

ВЗГЛЯД НА РОССИЙСКО-СОВЕТСКУЮ ЛИТЕРАТУРУ ЧЕРЕЗ ДВАДЦАТЬ ЛЕТ ПОСЛЕ ЕЯ КОНЧИНЫ

I

Хорошо это будет или плохо, если название статьи напомнит читателю критические обзоры Виссариона Белинского, которые писались им в середине позапрошлого века и назывались взглядами на русскую литературу одна тысяча восемьсот такого-то года?

Хорошо или плохо – не от меня зависит, поскольку каждый читатель, прочтя название, будет по-своему решать, что хотел сказать им автор. Хотел ли подчеркнуть своё согласие с передовым мыслителем, каким, несомненно, был в своё время В.Г. Белинский? Или же хотел отмежеваться от него, вынося в заголовок слова о смерти? Во всяком случае, мне бы хотелось, чтобы такое напоминание произошло. Помнить – дело хорошее. Только памятозлобие грех.

Что же до слов о смерти литературы, то вспомним, что возвещал о ней наш критик в 1834 году? «Где же, спрашиваю вас, литература? У нас было много талантов и талантиков, но мало, слишком мало художников по призванию, то есть таких людей, для которых писать и жить, жить и писать одно и то же, которые уничтожаются вне искусства, которым не нужно протекций, не нужно меценатов, или, лучше сказать, которые гибнут от меценатов, которых не убивают ни деньги, ни отличия, ни несправедливости, которые до последнего вздоха остаются верными своему святому призванию.

У нас была эпоха схоластицизма, была эпоха плаксивости, была эпоха стихотворства, эпоха романов и повестей, теперь наступила эпоха драмы; но еще не было эпохи искусства, эпохи литературы. Стихотворство наше кончилось; мода на романы видимо проходит; теперь терзаем драму. И все это без причины, все это из подражательности: когда же наступит у нас истинная эпоха искусства? Она наступит, будьте в том уверены! Но для этого надо сперва, чтобы у нас образовалось общество, в котором бы выразилась физиономия могучего русского народа, надобно, чтобы у нас было просвещение, созданное нашими трудами, возвращенное на родной почве.

У нас нет литературы: я повторяю это с восторгом, с наслаждением, ибо в сей истине вижу залог наших будущих успехов. Присмотритесь хорошенько к ходу нашего общества, и вы согласитесь, что я прав. Посмотрите, как новое поколение, разочаровавшись в генияльности и бессмертии наших литературных произведений, вместо того чтобы выдавать в свет незрелые творения, с жадностью предаётся изучению наук и черпает живую воду просвещения в самом источнике. Век ребячества проходит видимо. И дай Бог, чтобы он прошел скорее! Но еще более, дай Бог, чтобы поскорее все разуверились в нашем литературном богатстве! Благородная нищета лучше мечтательного богатства! Придет время, просвещение разольется в России широким потоком, умственная физиономия народа выяснится, и тогда наши художники и писатели будут на все свои произведения налагать печать русского духа. Но теперь нам нужно ученье! ученье! ученье!»

Грустные размышления вызывают во мне эти строки. Например, о художниках по призванию, «для которых писать и жить, жить и писать одно и то же, которые уничтожаются вне искусства, /.../ которые до последнего вздоха остаются верными своему святому призванию...» Не на сочинениях ли этих самых художников «по призванию» были вскормлены революционеры «по призванию», для которых бороться и жить, жить и бороться одно и то же, которые уничтожаются вне борьбы...? Не один ли лукавый дух верховодил теми и теми? Художники «до последнего вздоха» писали для просвещения народа, а революционеры «до последнего вздоха» боролись за счастье народа... Как грустно теперь это слышать.

«У нас нет литературы», - восклицал критик, стоя у её колыбели. «А не лучше ли, если бы её у нас и не было?» – спрашиваю я, стоя у её могилы и оглядываясь на пройденный мною и моими предшественниками в обнимку с этой самой литературой путь от рассмотренных Белинским начал до нынешнего 2012 года? Не душеполезнее ли была бы для русской жизни родная для неё Евангельская нищета и святоотеческое убожество взамен того поэтико-прозаического богатства и просвещенческого изобилия, которое широким потоком разлилось в России, а затем в СССР, как предрёк Белинский?

«Литературные мечтания» называлась его статья. Какое невинное название, и кто бы мог подумать, что в статье с таким названием подробно описывается план построения в России нового общества, в котором место учительницы, всегда отводимое русским народом церкви, заняла бы литература.

Теперь, когда это общество, будучи построенным, исчезло (потому и исчезло, что было построено на литературных мечтаниях), какой урок из его истории мы можем извлечь? Уроков много, начнём с первого, с того очевидного факта, что так называемая русская литература духовно вскормила строителей и разрушителей этого общества.

Литературные мечтания, ставшие базисом программ РСДРП, ВКП (б), КПСС... «Вот было бы хорошо, если бы они так и остались мечтаниями», - это уже я мечтаю, хотя прекрасно понимаю, что это невозможно. Общественный и научно-технический прогресс, то есть движение общества к светлому будущему, неистовым поборником которого был Белинский, нельзя остановить. Признаюсь, что ожиданием этого будущего живу и я, ...но очень боюсь его увидеть. Поэтому прошу вас, господа прогрессисты: не нужно так усердно приближать это будущее. Прошу вас и себя: не будем торопить Бога, Который раскинул руки, чтобы удержать нас, как удерживает отец неразумных детей, несущихся к обрыву.

Поэтому я всей душой поддерживаю призыв Белинского: «Но теперь нам нужно ученье! ученье! ученье!» Тысячу раз прав Виссарион Григорьевич: учиться нужно всегда и всем. Только вот вопрос: чему и зачем? Усвоению какого знания мы должны отдать умы и сердца? Знанию законов материального мира с тем, чтобы заставить его работать на себя? Или же знанию добра и зла с тем, чтобы служить первому и не оказаться в порабощении у последнего?

В получении материальных знаний успехи российского просвещения со времён М.В. Ломоносова трудно переоценить. Только вот достигнут был этот успех в ущерб знаниям духовным, потому что с деятельности Ломоносова начинается в высшей российской школе разделение религиозного и светского образования.

«Ломоносов – это Петр нашей литературы», - воскликнул Белинский, а мы бы к его словам добавили: «и образования», поскольку переворот, совершённый Ломоносовым в образовании, сродни Петровскому перевороту в российской жизни. Как Петр поставил церковь в услужение государству, так Ломоносов освободил науку от веры.

Со времён Ломоносова русское образование перестало быть русским, поскольку перестало образовывать учащихся по русскому образу, т.е. давать им русский образ жизни и поведения. Кто же тогда стал образовывать просвещённого российского человека? Православная Греко-

Российская Кафолическая Церковь? Отнюдь нет, нравственно образовывать его взялась вот эта самая литература, у могилы которой мы сейчас стоим.

Отдадим ей должное. Она сделала своё дело, выманила русского человека из церкви и увела за собой в ту эпоху искусства, которая открылась вдохновенному взору Белинского, и в которую мы сейчас живём. Чтобы увидеть это искусство, достаточно включить телевизор или открыть интернет – верных продолжателей дела, начатого российской литературой.

II

В начале статьи мы упомянули о хорошем и плохом. Скажите, читатель, сможете ли вы точно и безусловно разделить их? Простите, что отвечаю за вас: не сможете. И знаете почему? Потому что различению добра и зла нужно много учиться. О, это сложнейшая наука, и учатся ей не за чтением романов, не у экранов телевизоров и даже не в духовных семинариях, ей учатся в борьбе с собой.

А разве Белинский не об этом же просвещении говорил, разве не этой науке призывал учиться? Нет, он призывал к другому – к борьбе с условиями, обстоятельствами, порядками, природой, людьми, с кем и с чем угодно, только не с собой. Поэтому его увлекательные (в тогдашних условиях) статьи учили не различению, но смешению добра и зла, света и тьмы, истины и лжи...

Преувеличения в моих словах нет. Статьи Белинского, как и вся российско-советская литература, смешала нравственные понятия в российско-советских головах. Не вдруг, не сразу, но исподволь и постепенно литература расшатывала духовные устои общества, заложенные Церковью в основание русской жизни, и вот теперь они расшатаны до того, что наблюдаемый каждодневно на экранах телевизоров грех не вызывает в зрителе ни возмущения, ни отторжения, если на такую реакцию ему не дана команда с экрана.

По моему мнению, художественная литература возникла с целью заменить собой Четы-Минеи, святоотеческую письменность, Священное Писание... Опять преувеличиваю? Что ж, обратимся к нашему критику, к его известному «Письму к Гоголю» (1847), которое сподобилось легального опубликования лишь в 1905 году, а до того времени передавалось в просвещённом российском обществе из рук в руки тайком, что само по себе уже было грехом, а не доблестью, как учила всё та же литература.

«...Вы не заметили, что Россия видит свое спасение не в мистицизме, не в аскетизме, не в пиетизме, а в успехах цивилизации, просвещения, гуманности. Ей нужны не проповеди (довольно она слышала их!), не молитвы (довольно она твердила их!), а пробуждение в народе чувства человеческого достоинства, столько веков потерянного в грязи и навозе, права и законы, сообразные не с учением церкви, а с здравым смыслом и справедливостью, и строгое, по возможности, их выполнение. А вместо этого она представляет собою ужасное зрелище /.../ страны, где нет не только никаких гарантий для личности, чести и собственности, но нет даже и полицейского порядка, а есть только огромные корпорации разных служебных воров и грабителей».

Где в цитате стоит пробел, там от Белинского и американским плантаторам досталось, но мы сократили его обличения, чтобы не уходить от темы.

Как актуально звучат эти слова спустя 165 лет. Всё в точку. Выходит, ничего не изменилось со времён Белинского? Где же прогресс? Где успехи просвещения, ради которого боролись

товарищи? Зачем прожит русскими людьми этот злополучный 20-й век? Зачем Белинский с соратниками страдали, писали, поднимали всех на борьбу, если Россия в ту же грязь (навоза-то уже не осталось, вот и всё отличие за 165 лет), в ту же корпорацию служебных воров возвратилась?

Неужели всё по-новому, вернее, по-старому начинать? Революцию, гражданскую войну, разруху, голод? Потом равноправное общество строить на законах, сообразных «не с учением церкви, а с здравым смыслом и справедливостью, и строгое, по возможности, их выполнение» обеспечивать? Неужели опять? Расстрелы, тюрьмы, лагеря, ссылки? Потом разложение, застой и исчезновение «справедливого» общества в три дня и три ночи? Уже не грусть охватывает меня при чтении письма Белинского, но тихий ужас: выхода нет.

Да, дорогой читатель, выхода нет. Одно из двух остаётся нам: либо смириться с долей русского человека – остаться до конца света пригвождённым к позорному кресту, либо заново бунт поднимать против такой доли. Либо признать полное безумие неистового Виссариона и его единомысленников, либо новую революцию устраивать. Впрочем, она постепенно подготавливается, только уже не литературой, но телевидением.

Однако мы не затем привели слова Белинского, чтобы показать тупик, в который приводит противопоставление «здравого смысла» и «учения Церкви», но затем, чтобы это самое противопоставление подчеркнуть и подтвердить наши слова о том, что литература, которую обозревал Белинский, и «учение Церкви», т.е. Христова вера, хранимая ей, – две вещи несовместные.

Впрочем, и читателя поспешим утешить. На самом деле, изменилось за 165 лет очень многое. А именно то, что, если в протекшее от написания письма в 1847 году до революции 1917 года семидесятилетие очень немного русских святых возшло на Небо, то в следующее семидесятилетие тысячи и десятки тысяч новомучеников и исповедников российских предстали перед Богом спасёнными для вечной жизни. За что и поблагодарим Белинского с товарищами: не зря трудились. А про то, о чём они так шибко переживают, т.е. про земную сторону жизни скажем, что она пребывает неизменной в сути своей не 165, но 1165 и 2165 лет... Чтобы убедиться в этом, достаточно открыть книгу пророка Исаяи, например, гл.1, стихи 21-23.

Итак, по моему глубокому убеждению, художественная литература, когда была жива, пыталась заменить собой святоотеческую письменность и Священное Писание совершенно так, как нынешний телевизор пытается заполнить собой всю умственно-душевную жизнь человека без остатка.

Спрашивается, почему бы автору при таком его убеждении не назвать литературу прямо богоборческой затеей, а не просто пустым мечтанием? Ответ на этот вопрос лежит в области методологической, а именно в двух подходах к решению различных проблем, которые (подходы) зовутся по-церковному акривией и икономией.

III

При сравнении отношений двух великих церковных учителей Василия Великого и Григория Богослова к языческой литературе нельзя не увидеть некоторую разницу. Например, в Беседе «К юношам о том, как получать пользу из языческих сочинений» Василий Великий говорит: «А я

дивлюсь признанию всего вообще человеческого в Диогене, который доказал, что он богаче и великого царя, потому что меньше его имеет нужд в жизни». В редакторской сноске на эти слова сказано: «По преданию, когда посетивший Диогена царь Александр Македонский спросил, что он может сделать для него, тот попросил не загораживать солнцу. На это Александр воскликнул: «Если бы я не был Александром, то хотел бы быть Диогеном» (1).

Теперь прочитаем, как об этом языческом философе отзывается Григорий Богослов. «Кто не слышал о синопском псе? Он (не говорю о других его делах вёл такую дешёвую и умеренную жизнь (и в этом сам себе был законодатель, а не Божий хранил закон и не какими-нибудь водился надеждами), что имел у себя одну собственность – палку, и домом служила ему под открытым небом катающаяся среди города бочка, укрывавшая его от нападения ветров, и её предпочитал он златоверхим чертогам. Пищу же составляло для него то, что без труда можно было взять и не готовя. Подобно и Кратес, преодолев в себе привязанность к деньгам и все свои владения, как способствующие пороку и плотоугодию, оставив в запустении, взошел на ступени жертвенника и, поелику служение любостыжательности признавал рабством, как бы среди Олимпии, громогласно произнёс сии удивительные и всеми повторяемые слова: «Кратес даёт свободу фивянину Кратесу». /.../ Один уступил имение свое родным, а другой превзойдя и это, как нечто человеческое, и в один кусок золота обратив всё, что у него было, пускается в море и там отдаёт глубине это оболщенье тщеславия, рассуждая, что других не должно одалживать тем, что не хорошо для себя. Я хвалю и за сие. Один из старинных псов, пришедши к царю, просил у него пищи, или действительно имея в ней нужду, или желая испытать царя; и когда царь, или в знак чести, или тоже для испытания, охотно велел дать ему талант золота, он не отрёкся взять, но получив, тут же в глазах давшего на весь талант купил один хлеб и сказал: «Вот в чём я имел нужду, а не в гордости, которую не укусишь!» Это почти сходно и с моими законами, которые окрыляют меня подражать жизни и природе птиц, довольствуясь однодневной и несеянной пищей, и вместе с лилиями, пышно облечёнными красотой, обещают мне покров из безыскусственных тканей, если буду устремлять взор к единому великому Богу. Но если мне должно (и здесь начинается отличие слов Григория Богослова от слов Василия Великого. - Г.С.) точнее испытать дела сих мудрецов, чтобы рассказы мои не оказались напрасными (обратите внимание, как словами о напрасности святитель Григорий словно бы задирает святителя Василия. - Г.С.), то скажу, что эти почитатели нестяжательности и жизни свободной, отрешённой от всех уз, во-первых, неверными путями стремились к совершенству. В них больше было хвастовства, нежели любви к добру, а иначе для чего были бы нужны алтари и возгласения? Во-вторых, они отказывались от чревоугодия, потому что избегали не пресыщения богатством, а забот и трудов приобретать его, между тем иногда и скудость обращали в повод к сластолюбию. Это доказывают ячменные хлебы, брошенный ради пирога с кунжутом, и стихи из трагедии, особенно один, сказанный при сем весьма кстати: «Чужестранец, уступи место господам». /.../ Но у нас сделанное напоказ – даже не в числе добродетелей; у нас первое правило, чтобы левая рука не знала ясно движений правой (Мф.6,3)». (2)

(1) Святитель Василий Великий. Творения в 2-х томах. Том 1. М., Сибирская Благовонница, 2012, с.1067.

(2) Святитель Григорий Богослов. Слово «О смиренномудрии, целомудрии и воздержании», другое название стихотворение «О добродетели». Творения в 2-х томах. Том 2. М., Сибирская Благовонница, 2007, с.98-99.

Что скажем, поставив рядом эти две цитаты? Что Григорий Богослов мыслит гораздо глубже Василия Великого? Или что Василий Великий не знал того, что говорит Григорий, а именно, что для Бога, испытующего *сердца и утробы праведно* (Пс.7,10), душевное намерение гораздо важнее самого дела, и что, если человек судит по внешности, то Бог смотрит на сердце? Но как мог не знать этой азбучной духовной истины тот, кто в догматическое основание Христовой Церкви положил трактат «О Святом Духе»? Знал, конечно. Но если знал, почему не сказал, когда обращался к юношам с наставлением?

Вообще, впечатление от чтения Беседы Василия Великого, если поставить её рядом с названным Словом Григория Богослова, таково, что написана она человеком, как нынче говорят, толерантным, который хотел бы, чтобы и волки (языческие сочинители) были сыты, и овцы (христианские юноши) остались целы.

Рассмотрим, к примеру, слова Василия Великого о древнегреческом поэте Гесиоде. «Неужели предположим, что Гесиод с другою какою мыслью, а не в поощрение юношей к добродетели, написал следующие всеми повторяемые стихи? «Тяжел и неприступен в начале, крут и с многим потом и трудом совершается тягостный путь, ведущий к добродетели. Поэтому не всякий может вступить на него, по причине крутизны, а вступив, нелегко дойти до вершины. Но кто стал вверху, тот видит, что путь гладок и прекрасен, лёгок и удобен и приятнее другого пути, ведущего к пороку, на который недолго вступить, по причине его близости». Мне кажется, что написал он сие не с другим намерением, но поощряя нас к добродетели и всех убеждая быть добрыми, чтобы мы, став ленивыми для трудов, не отказались идти к цели. Так, если бы и другой кто восхвалял подобным образом добродетель, примем его слова, как руководствующие нас к тому же».

Хорошо сказал святитель. Что же смущает меня в его словах? Словно что-то недоговорено им? А ведь и вправду недоговорено. Что же именно? Не досказано Василием Великим осталось то, что старательно подчёркивает Григорий Богослов, что добродетель добродетели – рознь, и что добро, делаемое без Христа – не добро.

«Заметьте, батюшка, что лишь только ради Христа делаемое доброе дело приносит нам плоды Святого Духа. Все же не ради Христа делаемое, хотя и доброе, мзды в жизни будущего века нам не представляет, да и в здешней жизни благодати Божией тоже не дает». Эти слова преподобного Серафима Саровского расставляют всё по своим местам и дают понять, что насколько поэзия Гесиода далека от Христа, настолько далека она от цели христианской жизни – стяжания благодати Святого Духа. Также далека от этой цели поэзия другого похваляемого святителем Василием стихотворца.

«А слышал я у одного искусно изучившаго мысли стихотворца, что как все стихотворение Омирово есть похвала добродетели, и все у Омира, кроме придаточнаго, ведет к сей цели, так не менее к сему же клонится и то место, где Омир представил, что вождь Кефалленян спасся нагим от кораблекрушения, и что сперва царица, когда надлежало бы ей застыдиться, увидев его нагим, при самом его появлении, ощутила к нему уважение; потому что стихотворец представил его вместо одежды украшенным добродетелию; потом и прочие Феакеане столько почли его достойным, что, оставив роскошь, в какой жили, стали все на него смотреть и ему подражать, и ни один Феакеанин ничего более не желал тогда, как соделаться Одиссеем, и притом спасшимся от кораблекрушения. В этом месте, как говорил истолкователь стихотворцевой мысли, Омир, едва не в слух всем вопия, говорит: "о добродетели должно стараться вам, люди: она и с претерпевшим кораблекрушение спасается от потопления, и на суше доведеннаго до наготы кажет более досточестным, нежели счастливых Феакеан". Такова-то добродетель! Другия стяжания не более принадлежат своим владетелям, как и всякому другому, подобно тому, как зернь в игре выпадает и той и другой стороной: одно стяжание неотъемлемо, - это добродетель; она принадлежит человеку и при жизни и по смерти».

Последние слова Василия Великого о посмертно хранимой в душе человека добродетели, которая не ради Христа совершена, уже прямо не соответствуют словам преподобного Серафима, сказавшего, что «всё же не ради Христа делаемое, хотя и доброе, мзды в жизни будущего века нам не представляет...»

Разделяю недоумение читателя от производимого мною столкновения церковных светил и слышу возражения с его стороны, что недопустимо сравнивать несравнимое и невозможно требовать от язычников невозможного. Откуда Гесиод и Гомер могли знать Того, Кто ещё не

явился в мире? И какое представление о благодати Святого Духа могли они иметь, когда эта благодать ещё не снизошла и не разлилась по свету? Поэтому снисходительность, которую проявляет Василий Великий к языческим сочинениям, должна быть названа мудрой, а требования, которые предъявляет к ним автор этой статьи, нужно назвать несправедливыми.

Согласен с вами, читатель. И в оправдание хочу сказать, что от Гесиода, Гомера, Диогена, Кратеса и прочих язычников мы не требуем проповеди о Христе. Чего же мы тогда требуем? И зачем обратились к трудам церковных учителей? Затем, что не с древнегреческой, но с российской литературой хотели бы разобраться. А с нею дело обстоит прямо наоборот. Если языческие сочинители не могли знать Христа, то о русских классиках нужно сказать противоположное: они не могли Христа не знать. Значит, то терпимое и даже покровительственное отношение, которое высказывает Василий Великий к литературе дохристианской, к российско-советской классике применено быть не может. Впрочем, всё по порядку.

IV

Стихи Гесиода о тягостном пути, ведущим к добродетели, приводят на память стихи более близкого к нам по времени поэта, который, кстати сказать, как и Василий Великий, призывал читать древнегреческую поэзию, только делал это в иной форме. «Читайте, деревья, стихи Гезиода», – написал в 1946 году Николай Заболоцкий. Нас же интересуют другие его строки:

«Не позволяй душе лениться!
Чтоб в ступе воду не толочь,
Душа обязана трудиться
И день и ночь, и день и ночь!»
(1958 г.)

Замечательно сказано. Может, даже лучше Гесиода. Во всяком случае, доходчивее и настолько просто, что даже вокально-инструментальная песня на эти стихи пелась в 80-е годы прошлого века, т.е. в годы моей юности и, стало быть, оказывала на меня своё положительное воспитательное воздействие.

Да, хорошие стихи написал Заболоцкий, и «неужели предположим, что он с другою какою мыслью, а не в поощрение юношей к добродетели, написал» их? Приложим этот вопрос Василия Великого о поэзии Гесиода к поэзии Заболоцкого и ответим его же словами. «Мне кажется, что написал он сие не с другим намерением, но поощряя нас к добродетели и всех убеждая быть добрыми, чтобы мы, став ленивыми для трудов, не отказались идти к цели. Так, если бы и другой кто восхвалял подобным образом добродетель, примем его слова, как руководствующие нас к тому же». Всё верно. Только вот нераскрытым и, возвращаясь к сказанному о Гесиоде, неразрешённым остаётся всё тот же вопрос: как, кому и зачем «душа обязана трудиться»? И этот вопрос – главный, потому что он – духовный. Он гораздо важнее самих стихов, какими бы красивыми они ни были. Как же на этот вопрос отвечает поэт Заболоцкий? Никак.

Или вы не согласны со мной, читатель? Не согласны, что сказать юноше: «трудись», не сказав при этом, что и как нужно делать, разве не то же самое, что дать ему ступу с водой и сказать: «толчи»? Что же выходит? Что данные стихи Заболоцкого это красивое и бессмысленное толчение воды в ступе? Но неужели только за то, что Заболоцкий не выразил в своих стихах мысль о том, что труд души должен состоять в уподоблении Христу, мы посчитаем его поэзию

пустой? Неужели за то, что он не объяснил, что труд приближения к Богу, совершаемый душой так, как тому учит Евангелие, это и есть труд, к которому душа призвана в течение своей земной жизни, мы назовём стихотворение «Не позволяй душе лениться» вредным? Неужели мы от Заболоцкого потребуем того, чего не требовал Василий Великий от Гесиода?

С Гесиода вопроса нет: он не знал Истины. А с Заболоцкого? С него тоже спрашивать не приходится: он если и знал что-либо о Христе, то не мог говорить открыто по известным причинам. Значит, примем стихотворение Заболоцкого как руководство к действию по совету Василия Великого: «Так, если бы и другой кто (а этим другим после Гесиода является Заболоцкий. - Г.С.) восхвалял подобным образом добродетель, примем его слова, как руководствующие нас к тому же»? Но, принимая Заболоцкого, мы должны принять всю советскую литературу и, ещё шире, всю советскую культуру одобрить, потому что вся она была, так сказать, одним большим призывом к добродетельной жизни. Но душа отказывается это сделать. Моя душа, вполне наевшаяся плодов этой жизни в эпоху развитого социализма, не хочет опять ими питаться, не хочет толочь воду в ступе.

Где же вкралась ошибка в наши рассуждения? Может, самый посыл был неверным? Может, не годится нам для выстраивания отношений с российско-советской литературой бережливость Василия Великого? Может, нужна прямота Григория Богослова? Всё-таки не о языческой Древней Греции мы говорим, а о народе, имеющим своим корнем Святую Русь, говорим о государстве, которое изначально возникло как православное и которое без Христа никогда бы не существовало.

Чтобы нам верно оценить российско-советскую литературу и ответить на вопрос, почему в стране с тысячелетней христианской историей Бог запрещал говорить о Своём Сыне целых 70-ть лет, предлагаю подумать о нашем отношении к этому времени. Как нам воспринимать советский этап в жизни русского народа? Как нам эту добродетельную жизнь (называю её так без всякой усмешки) рассматривать? За ответом предлагаю обратиться к Священному Писанию.

V

Есть верный слух, что у вас появилось блудодеяние, и притом такое блудодеяние, какого не слышно даже у язычников, что некто вместо жены имеет жену отца своего. И вы возгордились, вместо того, чтобы лучше плакать, дабы изъят был из среды вас сделавший такое дело. А я, отсутствуя телом, но присутствуя у вас духом, уже решил, как бы находясь у вас: сделавшего такое дело, в собрании вашем во имя Господа нашего Иисуса Христа, обще с моим духом, силою Господа нашего Иисуса Христа, предать сатане во измождение плоти, чтобы дух был спасен в день Господа нашего Иисуса Христа (1Кор.5:1-5).

Слова *и вы возгордились* в этом послании апостола Павла не вполне понятны. Какой силы упомощение должно было найти на коринфских христиан, чтобы они возгордились блудом, происшедшим среди них, причём таким блудом, которого даже язычники не совершают, и не только не совершают, но даже не именуют (*ни во языцех именуется*, как говорится в церковнославянском переводе), т.е. по сути не знают такого греха? Лопухинская толковая Библия поясняет это место так: «Если бы Коринфские христиане представляли из себя тесную общину, в которой хранилось бы нерушимо понятие о высоком, святом своём назначении, то они, без сомнения, узнавши о таком проступке одного из своих собратий, тотчас бы облеклись в траур, как делает семья при потере своего главы (всё-таки не главы, а члена, потому что апостол Павел в отношении

провинившегося употребляет слово «некто». – Г.С.). Но они настолько были увлечены мнением о своих совершенствах, что на такой случай не обратили внимания!»

По Лопухину выходит, что христиане Коринфа возгордились своими совершенствами. Такое толкование меня не удовлетворяет, потому что христиане, которые гордятся чем-либо кроме креста – не христиане. *А я не желаю хвалиться, разве только крестом Господа нашего Иисуса Христа* (Гал.6:14)... Главное совершенство христианина – считать себя первым грешником. *Верно и всякого принятия достойно слово, что Христос Иисус пришел в мир спасти грешников, из которых я первый* (1Тим.1:15)... Духовное устройство христиан, при котором они гордятся совершенствами, требовало бы немедленного исправления безотносительно к происшедшему в их среде греху, потому что гордость это наибольший грех, это грех, который страшнее всякого блудодеяния. Нет, толкование Апостола лопухинскими комментаторами нам не годится, поэтому обратимся к истинным церковным учителям.

Святитель Иоанн Златоуст говорит, что христиане Коринфа возгордились не грехом – «это было бы безрассудно, но учением его (грешника). Впрочем, [апостол] не выразил этого ясно, но опустил посредствующую мысль, чтобы сильнее тронуть их [коринфян]». Согласно Златоусту христиане возгордились учением кровосмесника. Каким? Апостол не стал останавливаться на этом вопросе, «чтобы сильнее тронуть» коринфян, т.е. не стал углубляться в теорию и сразу же перешёл к практике – *лучше [вам] плакать*.

Далее Златоуст пишет: «И посмотри на благоразумие Павла. Он наперёд низложил внешнюю мудрость (действительно, многие предыдущие стихи Послания пронизаны этим низложением, см., например, в 1-ой главе стихи 19-31; 2:1-4, 5(особо), 6-9, 10-16; 3:18-20; 4:20(особо). – Г.С.) и показал, что она ничтожна сама по себе, хотя бы не соединена была с грехом, а потом уже говорит и о грехе. Если бы он доказал величие духовных дарований сравнительно с кровосмесником, который, может быть, отличался внешней мудростью, то не сделал бы ничего важного; но, низложив её без отношения к греху и показав, что она ничтожна сама по себе («сама по себе», т.е. безотносительно к духовным дарованиям, например, к вере; а поставленная рядом с этими дарованиями вообще мизерна. – Г.С.), он доказал крайнюю её негодность. Поэтому он наперёд произнёс о ней такое суждение, а потом уже стал говорить о грехе. Впрочем, он не достаивает своей беседы его (кровосмесника), - чем выражает чрезмерное бесчестье его поступка, - но говорит другим, что им следовало бы плакать, рыдать и стыдиться; а вы, говорит, поступаете напротив; потому и присовокупляет: *и вы разгордестесь, и не паче плакаете*».

Прояснив с помощью Златоуста смысл сказанного Апостолом, перейдём к делу, ради которого мы его слова привели. А привели мы слова Апостола затем, чтобы происшедшее в коринфской общине преступление сравнить с российско-советской страницей нашей истории. Итак, телесное блудодеяние некоего коринфянина можно уподобить духовному блуду русского народа, и это тем более позволительно сделать, что примеры таких уподоблений во множестве встречаются в Ветхом Завете. Например, *ибо издавна Я сокрушил ярмо твое, разорвал узы твои, и ты говорил: 'не буду служить идолам', а между тем на всяком высоком холме и под всяким ветвистым деревом ты блудодействовал* (Иер.2:20)... *И взяла из одежд твоих, и сделала себе разноцветные высоты, и блудодействовала на них, как никогда не случится и не будет* (Иез.16:16)... Так обличали древнееврейский народ пророки, уподобляя его отношения с Иеговой брачному союзу, и называя народное уклонение от Бога – блудом.

Что же? Советскую историю мы хотим сравнить с всенародным блужением на красных коммунистических высотах? Нет, советчину мы хотим сравнить с наказанием за блуд, т.е. с тем

преданием кровосмесника на истязание сатане, которое ему определил апостол Павел: *предати такового сатане во измождение плоти, да дух спасется в день Господа нашего Иисуса Христа* (1Кор.5:5). Самое же блужение уместнее отнести к российским страницам нашей истории, которые были открыты расколом при царе Алексее Михайловиче и продолжены реформами императора Петра Алексеевича. Не в октябре 1917 года, а на три столетия раньше началось в русском народе служение идолам «на всяком высоком холме и под всяким ветвистым деревом». Этими идолами взамен *единого на потребу* Христа Бога (Лк.10:42), царство Которого *не от мира сего* (Ин.18:36), стали земное царство, земное благополучие и прочие страсти.

Но разве не было пророков и учителей, чтобы возвестить народу его неправду и возвратить ко Христу? Пророков и учителей было достаточно, это русские святые. Только пророчествовали они преимущественно не словами, а делами, они не взывали, подобно иудейским пророкам, но безмолвно и незаметно несли своё служение Богу в *пропастях земных* (Евр.11:38). А громким, т.е. печатным словом «пророчествовали» как раз таки лжепророки, великие российские писатели. И слушали их гораздо охотнее, чем не умевших красиво говорить преподобных. Русский народ, как в своё время иудейский, истинных пророков не услышал, потому что истинный пророк не льстит.

VI

Что такое иудейство? По сути, это лживое восприятие жизни, т.е. прелесть, в которой ложь именуется правдой. Советская культура это не языческая, но именно иудейская культура, поскольку это не просто незнание Христа, но отступление от Него.

Похоть плоти, похоть очей и гордость житейская, не есть от Отца, но от мира сего (1Ин.2:16) – вот что такое иудейство. Язычник тоже живёт по похотям, но его нельзя назвать прельщённым, поскольку он никогда не знал истины, вернее сказать, не удостоился от Бога знать её. Иудейство не таково, это именно отступление от истины, предательство её.

И вы возгордились, вместо того, чтобы лучше плакать... О чём было плакать русским людям в царствование Николая Александровича, если Российская империя в это время по площади, по природным запасам, по расцвету культуры, по людским ресурсам была богатейшей страной мира? Именно об этом и нужно было плакать. Но самое прискорбное не то, что возгордились, чем не должно гордиться, т.е. тем, что *от мира сего*, а то, что советский урок не пошёл русским людям впрок, что жестокое советское врачевание, призванное образумить прельщённых, было превращено ими в новый повод для гордости.

Гражданская, или, как её называют в казачьей среде, братская война... Кто из людей не восплачет о её безумии? Кто не возрыдает о миллионах человеческих жизней, принесённых в жертву бесам, чтобы оставшимся в живых миллионам жить не по Божиим заповедям, но по *собственным своим похотям* (2Пет.3:3, ср. 2 Тим.4:3)? Однако эта война вместо сокрушённого плача ещё более развила в советском человеке болезнь гордыни. Красные победили белых. Знай наших! С горячечным блеском в глазах смотрела новая страна киноленту «Чапаев» и воспитывала на виде белогвардейской крови молодых бойцов за всемирное счастье народов. О, прелесть бесовская!

Коллективизация, Великий перелом («хребта русского народа», как добавляют некоторые это выражение к слову «перелом»), разорение многовекового уклада крестьянской жизни, которое

является прямым нарушением 5-ой заповеди закона Божьего о почитании родителей... Чем стала эта беда для советского человека? Поводом к раскаянию? Ничуть. Вместо покаяния было объявлено торжество индустриализации, а городская, ущербная, оторванная от земли жизнь была воспринята как великое благо советского строя.

Дальше – больше. Победа в Великой войне, выход в космос, величайшие в мире ГЭС, решение судеб мира в Кремле, рост благосостояния народа... Для чего всё это? Для торжества идей коммунизма? Как теперь понимается, главной из всех коммунистических идей была эта старая, как мир, идея – быть первым и главным. А все остальные идеи были для советских вождей всего-навсего прикрытием фарисейского стремления сесть ввиду всего мира (ср.Лк.14:10).

Были в советской истории и репрессии. Поворотом к духовному оздоровлению должны были стать они для русских людей. Тюрьмы и лагеря, этапы и ссылки, годы нечеловеческих испытаний должны были стать пунктами возвращения к ещё хранимой в глубине народной души вере преподобных отцов, к святому Евангелию. Должны были стать, но не стали... Здесь я хочу привести выдержку из автобиографической книги Леонида Бородина «Без выбора».

«Велико счастливы люди, чьи пути-дороги нигде и никак не пересекались с тропами рабов! Сколь же радостно и благостно должно быть мироощущение тех, что рабских троп не пересекали и скопищ рабских не зрели, но полагали по счастливой наивности, что это «простые советские люди» сотворили оружейный арсенал под названием «Норильск», что они же с энтузиазмом возводили первые «великие стройки коммунизма», что они очертя голову полезли в урановые рудники, что добрая половина тысячекилометровых железных дорог, как и другая половина, – тоже их рук дело. Что вообще в мерзлоте российской аграрности фундамент индустриализации выдолблен и бетоноисполнен исключительно социалистическим энтузиазмом. Что наша великая «оборонка»... Да что «оборонка»!

Говорил уже и повторяю, что развал советской экономики начался не в так называемую эпоху застоя, а намного раньше, когда Хрущёв легкомысленно посягнул на ударную трудармию Страны Советов – на ГУЛАГ!

Тридцать лет назад, комсомолец из комсомольцев, я сам впервые по-настоящему был неизлечимо ранен открывшейся второй стороной социалистической медали. Поначалу моё ранение, естественно, было «детоарбатского» типа. Дескать, как же так! Герои революции, маршалы всякие, да верные ленинцы, да мудрецы-марксисты... Да что же это такое?! Но когда в поисках «полной правды» попал в Норильск, кого я там увидел? Прежде всего солдат и офицеров доблестной Красной Армии; затем «остербайтеров», людей, угнанных в Германию и «возвращённых»; далее – жителей оккупированных областей; далее – всякую «мелочь»: «белоземгрантов», точнее, их детей; «колосошников» (за колоски, померзшую картошку, капусту, морковь и т.п.). Большинство из таковых остались в Норильске по доброй воле. Не в колхозы же возвращаться! Были и бендеровцы, и прибалтийские «зелёные», и немцы Поволжья... И уголовники, конечно. Но большая часть их как раз получила по амнистии полную волю и смоталась на «материк».

Шесть громаднейших рудников, столько же угольных шахт, крупнейшая в стране обогатительная фабрика, заводы и «подземки-секретки» – всё это преогромнейшее хозяйство в руках эзков. Правда, когда я туда прибыл, эки уже были вольными. Но приписанными к Норильску трудиться на благо Родины теперь уже не «задарма» и не «за» проволокой. Впрочем, проволока там всегда была лишь для порядка – бежать некуда. Эсками же построенная железная дорога от Норильска до Дудинки просвечивалась насквозь. А на юг – мёртвая тундра на пару тысяч километров.

Это только Норильск. А Воркута, а Колыма, а Мордовия, а Пермь, а Тайшет... Воистину архипелаг. Точнее названия А.Солженицын и придумать не мог. Когда прочитал книгу, содержанием поражён не был. Поражён был единственностью названия.

Когда из Норильска вернулся «на материк», приглядывался к людям, знают ли то, что узнал сам, догадываются ли, кто боится их скромное благополучие? Если догадываются и тем более знают, что в душе? Пригляделся и понял.

А НИЧЕГО! Решительно ничего! И вот тогда впервые сказал себе: «Нет, что-то очень неладно в Датском королевстве! За это самое «ничего» когда-нибудь наступит страшная расплата! Я, конечно, до неё не доживу, как-никак, но «семимильными шагами идём к торжеству социализма». Вот, к примеру, бригады коммунистического труда – возможно, в этой форме компенсация уменьшения труда рабского?.. Или целина... Говорят, идея добрая и энтузиазм, что надо. Лет на полсотни хватит...»

Но, с другой стороны, как такое возможно, чтобы одна часть народа десятилетиями упрямо делала вид, что не знает о существовании другой? Ведь вот тот же добрый и славный Станислав Юрьевич Куняев... Он начал мотаться по стране раньше меня, и не как я – изгой, но с журналистским удостоверением в кармане. Места наши сибирские – Иркутск да Тайшет, – куда ни плюнь, везде зона... И что? Да то самое – НИЧЕГО. Не было! Были писатели и поэты, мужички интересные и говорливые, места, прекрасные природой сибирской...

Именно в это время учитель и друг С.Куняева Б.Слущкий пишет известное стихотворение: «И вот объявили ошибкой семнадцать украденных лет... И снова сановное барство его не пускает вперёд. И снова мое государство вины на себя не берёт!»

Народ и партия едины – это и есть государство. Какая же может быть вина у народа? Тем более – у партии. Нет вины. Была и есть историческая необходимость. Сперва ликвидировать классы, исторически отжившие. Потом доблестная коллективизация, потом славная индустриализация, затем величайшая победа, а после победы – героическое восстановление. Одним лишь перечислением горда душа. И поныне горда. От гордости в облака взлетала б, когда б не досадные колдобины на пути торжества русского социализма в лице «некоторых евреев». А в остальном, прекрасная маркиза...

Людей тысячами выбрасывали на пустынные берега, говорили: «Окапывайтесь, если хотите выжить». Люди окапывались и начинали рубить, долбить и добывать, добывать, добывать...

Уголовники? Паханы? Воры в законе? Они сидели у костров и потом в отчётных ведомостях делили выработку. План давали «мужики», миллионы русских мужиков и баб, забытых и преданных другими миллионами баб, мужиков и интеллигентов. Никакой самый ударный труд советских людей не давал такой «дармовой» себестоимости нужнейшей для страны продукции: угля, руды, золота, леса. За счёт неслышанной разницы в себестоимости писатели получали гонорары, о каковых нынче тоскуют, ударники комтруда – льготные санаторно-лечебные месяцы, партийные работники вторые зарплаты в конвертах; всяк имел хоть кроху, хоть не кроху от преданных и забытых...»

Здорово пишет Леонид Иванович, особенно про неладность в Датском королевстве, про расстроенность русской души, которая, отказавшись жить по-Евагельски, начала жить по-иудейски, и другого пути, другого выбора у неё просто нет.

Хорошо пишет Бородин, но, увы, так и не говорит главного: за что и зачем всё это было? Чьей волей или попущением была вписана в историю русского народа трагическая советская страница? В чём её урок?

VII

Читаем далее толкование Златоуста на Послание к коринфянам. «Далее прибавляет [апостол] более страшные слова: *с силою Господа нашего Иисуса Христа*, т.е. или то, что Христос может даровать им силу – предать такового сатане, или то, что Он сам вместе с ними произнесёт против него приговор. (И вправду, страшные слова прибавляет апостол, страшно услышать от Христа приговор о предании сатане. – Г.С.). Не говорит: *отдати такового сатане, но предати*, отверзая ему двери покаяния и как бы передавая

его учителю. (Сатана – учитель? Это любопытно. – Г.С.). И опять: *таковаго*; нигде не позволяет себе назвать его по имени. *Во измождение плоти*, подобно как было с блаженным Иовом, хотя не с одинаковой целью: там для славнейших венцов, а здесь для разрешения от грехов, чтобы сатана наказал его злокачественными ранами или другой какой-нибудь болезнью» (т.10, с.148).

Прежде всего заметим, что в синодальном переводе в словах Апостола «с силою Господа нашего Иисуса Христа» отсутствует предлог «с», который мы видим в греческом и церковнославянском текстах. Непонятно, зачем его убрали синодальные переводчики? Может, они хотели сделать свой перевод предельно ясным для читающих? Может быть. Но изъятие этого предлога изменило смысл Апостольского речения так, что согласно новому переводу, Апостол по своему усмотрению распоряжается Божией силой.

Итак, учителем назвал сатану Златоуст, хотя учителя, который учит учеников до измождения плоти, лучше назвать истязателем. Златоуст жил задолго до эпохи гуманизма, мыслил не гуманно, думал просто, говорил прямо. Примерно так. Если за время, отпущенное человеку один единственный раз, он не выучится жить для Бога и проживёт его для себя, то вся жизнь такового должна быть названа бессмысленной, более того, прожитой им в своё осуждение.

С такой точки зрения, истязатель для негодных и неразумных учеников – вовсе не истязатель, но самый заботливый учитель. С такой точки зрения, великий вождь советского народа, его злой гений и палач, воистину является его учителем, а брошенный им клич: «Учитесь, учиться и учиться!» был и остаётся для нас, его учеников (как остаются стоять в скверах и площадях его каменные изваяния), самым злободневным.

Учитесь! Чему же? Жить по правде и разуму или по Евангелию? Нет, это далеко не одно и то же. И тот, кто думает, что это почти одинаково, глубоко заблуждается. Тот ничему не выучился в советской школе, ничего не вынес из неё, если не только советская жизнь, но и самый крах её не открыли ему глаза.

Где же расходятся правда Божия и правда человеческая? Разум Божий и разум человеческий? Они нигде не расходятся, потому что нигде не сходились. *Мои мысли - не ваши мысли, ни ваши пути - пути Мои, говорит Господь. Но как небо выше земли, так пути Мои выше путей ваших, и мысли Мои выше мыслей ваших. Как дождь и снег нисходит с неба и туда не возвращается, но напояет землю и делает ее способною родить и произращать, чтобы она давала семя тому, кто сеет, и хлеб тому, кто ест, - так и слово Мое, которое исходит из уст Моих, - оно не возвращается ко Мне тщетным, но исполняет то, что Мне угодно, и совершает то, для чего Я послал его (Ис.55:8-11).*

Учитесь! Чему же? Жить по произведениям классиков российско-советской литературы или по творениям святых отцов? И это далеко не одно и то же. А тот, кто думает, что это почти одинаково, страшно заблуждается. Тот ничему не выучился в советской школе, ничего не вынес из неё, если не только советская жизнь, но и самый крах её не открыли ему глаза.

Классиков российско-советской литературы давно пора назвать тем словом, которым они заслуженно должны быть названы – еретиками и отступниками от Христа. Спешу подчеркнуть, что так именуются мною именно писатели, а не люди как таковые. Как это понять? Как можно разделить людей и их писания? Точно так, как мы разделяем коммунистов и коммунизм, католиков и католицизм, язычников и язычество...

Разделяя людей и учения, выразителями или последователями которых они являются, мы не только вправе осудить воззрения, которые, как мы уверены, являются нечестивыми, но даже должны это сделать, чтобы отмежеваться от людей, исповедающих эти учения, и не подвергнуться вместе с ними наказанию за нечестие. Но – и это очень важное но – упаси нас, Боже, от осуждения самих людей, какими бы злочестивыми они ни были, ибо этот суд принадлежит одному Тебе.

Итак, на каком основании мы обвиняем российскую художественную литературу в еретичестве и отступничестве от Христа? И почему она называется нами российской, почему не зовётся русской? За ответом обратимся к краеугольному камню этой литературы, так называемой Пушкинской речи Ф.М. Достоевского.

VIII

Вот начало речи, произнесённой Достоевским в заседании Общества любителей российской словесности в 1880 году: «Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа, сказал Гоголь. Прибавлю от себя: и пророческое. Да, в появлении его заключается для всех нас, русских, нечто бесспорно пророческое. Пушкин как раз приходит в самом начале правильного самосознания нашего, едва лишь начавшегося и зародившегося в обществе нашем после целого столетия с петровской реформы, и появление его сильно способствует освещению темной дороги нашей новым направляющим светом. В этом-то смысле Пушкин есть пророчество и указание».

Странно читать эти слова Федора Михайловича. Их можно понять и принять только при условии разграничения двух обществ: допетровского и послепетровского, потому что для русского самосознания, уходящего корнями в Киевскую Русь, Пушкин началом быть никак не может. Видимо, Достоевский относит себя к послепетровскому обществу, называя его нашим, а допетровское общество и его самосознание, надо полагать, считает уже не существующим, раз поставляет Пушкина не в середину и не в другую часть пути, но в самое начало «правильного самосознания нашего». Причём, даёт поэту в руки факел к освещению «тёмной (!) дороги нашей новым (!!) направляющим (!!!) светом. В этом-то смысле Пушкин есть пророчество и указание».

Желающие ознакомиться с полным разбором Пушкинской речи могут это сделать на сайте www.russhod.ru, а нежелающим достаточно вникнуть в вышеприведённую цитату из речи Достоевского, чтобы понять, как много им сказано в этих немногих словах.

Сказано, например, то, на каком основании российская литература должна быть названа еретической. Или этого не сказано? Или шесть восклицательных знаков, поставленных нами в словах Достоевского, ни о чём вам не говорят, читатель? Тогда советуем почитать разбор Пушкинской речи и «Оправдание идущего «В Зосимину пустынь» того же автора на том же сайте.

Сказано и то, почему литературу Пушкина и Достоевского (а также Гоголя, Лермонтова, Толстого, Тургенева, Лескова, Островского, Блока, Есенина и проч., и проч.) уместнее называть не русской, но именно – российской. Почему? Потому что литература и культура, которая провозглашает Пушкина своим пророком и учителем, не может быть русской. Потому что подлинная русская культура вся выросла из Церкви и церковного богослужения. Русская культура это культура возделывания Древа послушания – Креста. Пушкинской же культуре лучше называться российской, а ещё лучше, потешной культурой, и не присваивать себе имени русской. Иначе выходит путаница и ложь.

Именно такую путаницу можно наблюдать в словах В.Г. Белинского, которые мы привели в начале статьи: «когда же наступит у нас истинная эпоха искусства? Она наступит, будьте в том уверены! Но для этого надо сперва, чтобы у нас образовалось общество, в котором бы выразилась физиономия могучего русского народа. /.../ Придет время, просвещение разольется в России широким потоком, умственная физиономия народа выяснится, и тогда наши художники и писатели будут на все свои произведения налагать печать русского духа».

Чтобы всё стало ясно в словах Белинского, и чтобы мысль его открылась во всей своей прелести, заменим дважды встречаемое в этих строках слово «русский» словом «российский», а ещё лучше сделаем, если в последнем случае заменим его словом «советский». Итак, «когда же наступит у нас истинная эпоха искусства? Она наступит, будьте в том уверены! Но для этого надо сперва, чтобы у нас образовалось общество, в котором бы выразилась физиономия могучего РОССИЙСКОГО народа. /.../ Придет время, просвещение разольется в России широким потоком, умственная физиономия народа выяснится, и тогда наши художники и писатели будут на все свои произведения налагать печать СОВЕТСКОГО духа».

То, что верхние слои общества это вовсе не русский народ, ясно видел и понимал сам Белинский. Зачем же не назвал его иным народом? Зачем старательно надевал на него русскую шапку? По привычке? Или же потому, что, скорбя о разрыве, хотел вернуть оторвавшиеся верхние слои народа к нижним? Да, он этого хотел, но мечтал сделать всё наоборот: изменить низ по подобию верха, т.е. поставить печать, а лучше сказать, штамп рукою верхнего общества на всю народную массу.

«Итак, *народ*, или лучше сказать, масса народа, и *общество* пошли у нас врозь (после реформ Петра. – Г.С.). Первый остался при своей прежней, грубой и полудикой жизни и при своих заунывных песнях, в коих изливалась его душа и в горе и в радости; второе же, видимо, изменялось, если не улучшалось, забыло все русское, забыло даже *говорить русский язык*, забыло поэтические предания и вымыслы своей родины, эти прекрасные песни, полные глубокой грусти, сладкой тоски и разгулья молодецкого, и создало себе литературу, которая была верным его зеркалом. (Вот и проговорился Белинский, противопоставляя творчество «масс» творчеству «общества», и говоря, что литература была создана «обществом», а не «массами», в переводе на наш язык: российским, а не русским народом. И другой вывод с неизбежностью следует из этих слов Белинского – так называемая «русская литература» была порождением какого угодно, но только не русского духа. – Г.С.).

Когда я прочитал это признание Белинского, у меня ёкнуло сердце. Вот что, оказывается, вытеснила и подменила собой российская литература – русскую песню. Белинский очень хорошо говорит о ней. Сперва называет её заунывной, потому как в ней изливалась русская душа «и в горе и в радости». Потом называет её прекрасной, полной «глубокой грусти, сладкой тоски и разгулья молодецкого». Эти-то песни позабыло *общество* «и создало себе литературу, которая была верным его зеркалом».

Потом, через столетия родится советская песня, но это уже будет не вполне русская песня. Это будет песня народа, отступившего от Христа. Она и народной-то будет не вполне. Советская песня творилась за гонорар. Но можно ли назвать народной ту песню, которая пишется на продажу?

«Не продаётся вдохновенье, но можно рукопись продать...» Всё верно, Александр Сергеевич. Но чтобы рукопись купили, нужно уметь угождать. Кому? Вкусам и потребностям тех, кто имеет деньги и заказывает музыку, литературу, песню, кино... Подлинная народная песня создается внутри народа. А творчество, которое подается сверху, едва ли может быть названо народным.

И ещё об одном различии песни и литературы хочется сказать. Песня, как правило, поётся сообща. А литература это другой тип общения, который я бы назвал индивидуально-виртуальным. Законченное воплощение этого типа общения мы видим в современных коммуникационных сетях.

Надобно заметить, что как *масса народа*, так и *общество* поразделились, особенно последнее, на множество видов, на множество степеней. Первая показала некоторые признаки жизни и движения в сословиях, находившихся в непосредственных сношениях с *обществом*, в сословиях людей городских, ремесленников, мелких торговцев и промышленников. Нужда и соперничество иноземцев, поселившихся в России, сделали их деятельными и оборотливыми, когда дело шло о выгоде; заставили их покинуть старинную лень и запечную недвижимость и пробудили стремление к улучшениям и нововведениям, дотоле для них столь ненавистным; их фанатическая ненависть к *немецким людям* ослабевала со дня на день и наконец теперь совсем исчезла; они кое-как понаучились даже грамоте и крепче прежнего уцепились обеими руками за мудрое правило, завещанное им от праотцев: *ученье свет, а неученье тьма...* (Опять призыв к учению, и опять ложное понимание последнего. Почему? Потому что смысл, вкладываемый русским человеком, или, по терминологии Белинского, «массой», в эту пословицу, был духовным, а именно, обучение души спасению – свет, а неученье в этом вопросе – тьма, гибель. Но Ломоносов, Белинский и прочие представители русского «общества» вложили в эту пословицу материальный, немецкий смысл, и стали прежней по виду, но новой по смыслу пословицей, словно печатью, печатать народное сознание, изменяя его на немецкий манер. – Г.С.)

Это обещает много хорошего в будущем, тем более, что сии сословия ни на волос не утратили своей народной физиономии. Что касается до нижнего слоя общества, то есть *среднего состояния*, (нынешний средний, или эконом-класс? – Г.С.) оно разделилось в свою очередь на множество родов и видов, между коими по своему большинству занимают самое видное место так называемые разночинцы. Это сословие наиболее обмануло надежды Петра Великого: грамоте оно всегда училось на *железные гроши*, свою русскую смышленость и сметливость обратило на предосудительное ремесло *толковать указы*; выучившись кланяться и подходить к ручке дам, не разучились своими благородными руками исполнять неблагородные экзекуции. Высшее ж сословие общества из всех сил ударилось в подражание или, лучше сказать, передражнivanje иностранцев...» (Курсив везде Белинского. – Г.С.).

Вот именно, передражнivanje иностранцев...

IX

Много любопытного можно прочесть в «Литературных мечтаниях» Белинского, несмотря на, или, лучше сказать, благодаря почти 180 годам, разделяющим эту статью и нашу действительность, но для доказательства мнения о том, что русскую литературу правильнее называть российской, считаю достаточным сказанного. И всего другого, пожалуй, достаточно сказано, пора закругляться.

Один вопрос, затронутый нами, остался не разобранным – о двух методах в решении различных проблем. Помните? Мы коснулись акривии и икономии, привели примеры того и другого, сравнили позиции двух святителей и ушли в сторону, не попытавшись понять, почему их отношения к языческой литературе оказались разными.

Итак, почему святитель Василий Великий не говорит того, что говорит святитель Григорий Богослов, объясняет сам Григорий, правда, по другому поводу, а именно по поводу учения Василия Великого о Святом Духе (дело в том, в своём трактате «О Святом Духе» святитель Василий нигде не называет третье Лицо Троицы Богом и не обозначает чётко, что Оно

единосущно первым двум Лицам), но данное объяснение мы можем отнести и к интересующей нас теме языческой литературы.

«Поелику же упомянул я о богословии и о том, сколько высокоглаголив был в этом Василий, то присовокуплю к сказанному и следующее. Ибо для многих всего полезнее не потерпеть вреда, возымев о нем худое мнение. Говорю же сие людям злонамеренным, которые помогают собственным недостаткам, приписывая их другим. За правое учение, за единение и собожественность (или не знаю, как назвать точнее и яснее) в Святой Троице Василий охотно согласился бы не только лишиться престолов, которых не домогался и вначале, но даже бежать их, и самую смерть, а прежде смерти мучения встретил бы он как приобретение, а не как бедствие. Сие и доказал уже он тем, что сделал и что претерпел, когда за истину осужденный на изгнание о том только позаботился, что одному из провожатых сказал: возьми записную книжку и следуй за мной. Между тем вменял он в необходимость *устроить словеса на суде*, пользуясь в сем советом божественного Давида (Пс.111:5), и отложить ненадолго время брани, потерпеть владычество еретиков, пока не наступит время свободы и не придаст дерзновения языку.

Еретики подыскивались, чтобы уловить ясное речение о Духе, что Он Бог; сие справедливо, но казалось злостивым для них и для злого предстателя нечестия. Им хотелось изгнать из города Василия - сии уста богословия, а самим овладеть Церковью и, обратив ее в засаду для своего зловерия, производить отсюда, как из крепости, набеги на других. Но Василий иными речениями Писания и несомненными свидетельствами, имеющими такую же силу, а также неотразимостью умозаключений, столько стеснил прекословивших, что они не могли противиться, но были связаны собственными своими выражениями, что и доказывает особенную силу его слова и благоразумие. То же доказывает и слово, какое он написал о сем, вода писалом, омакаемым в сосуде Духа.

Между тем Василий медлил до времени употребить собственное речение, прося у Самого Духа и у искренних поборников Духа не огорчаться его осмотрительностью, потому что, когда время поколебало благочестие, стоя за одно речение, можно неумеренностью все погубить. И поборникам Духа нет никакого вреда от малого изменения в речениях, когда под другими словами узнают они те же понятия, потому что спасение наше не столько в словах, сколько в делах.

Не следовало бы отвергать иудеев, если бы, требуя удержать на время слово помазанник вместо слова Христос, согласились они присоединиться к нам. Напротив того, величайший вред будет для целого, если Церковью будут владеть еретики. А что Василий преимущественно пред всеми исповедовал Духа Богом, сие доказывается тем, что он многократно, если только представлялся случай, проповедовал сие всенародно, а также и наедине с ревностью свидетельствовал перед теми, которые спрашивали. Но еще яснее выразил сие в словах ко мне, перед которым в беседе о таких предметах у него не было ничего сокровенного. И не просто подтверждал он это, но, что редко делывал прежде, присовокуплял самые страшные на себя заклинания, что если не будет чтить Духа единосущным и равночестным Отцу и Сыну, то да лишен будет Самого Духа.

Если же кто, хотя в этом, признает меня участником его мыслей, то открою нечто, может быть неизвестное многим. Когда, по тесноте времени, налагал он на себя осторожность, тогда предоставлял свободу мне, которого, как почтенного неизвестностью, никто не стал бы судить и изгонять из отечества, - предоставлял с тем, чтобы наше благовестование было твердо при его осторожности и моем дерзновении». (Надгробное слово Василию, архиепископу Кесарии Каппадокийской).

Слова святителя Григория о том, что «когда, по тесноте времени, налагал он [Василий] на себя осторожность, тогда предоставлял свободу мне, которого, как почтенного неизвестностью, никто не стал бы судить и изгонять из отечества, - предоставлял с тем, чтобы наше благовестование было твердо при его осторожности и моем дерзновении», можно отнести и к нашему вопросу о разнице подходов святителей к языческой литературе. Разницы по существу нет. Она проявляется только в выражении общей позиции: у Василия – осторожность, у Григория – дерзновение в неприязни к языческой литературе, которую в иных своих Словах Григорий Богослов просто громит. Смотрите, например, «Слово первое обличительное на царя Юлиана».

Ау, православные? Есть ли таковые среди читателей этой статьи? Любите ли вы открывать произведения Григория Богослова, которого вы называете в своих молитвах великим учителем и святителем? Или вы больше Пушкина с Гоголем читаете? Или «милорда глупого», как об этом говорится в стихотворении Некрасова?

Слова Григория Богослова льются сладким потоком; мысль, плавно расширяясь, легко течет к своему устью, и из сосуда Духа (воспользуемся его же образом), в который святитель омакал своё писало, изливается в душу читателя утешающий свет и *мир Божий, который превышает всякого ума* (Фил.4:7). К чему я это говорю? К тому, чтобы объяснить своё неудержимое желание привести другие слова святителя по тому же поводу. Мы привыкли думать, что если слова повторяют сказанное, то они излишни. Но могут ли быть излишними свет и мир?

«Я стою не на виду, многим неизвестен; иные почти не знают, что мною бывает сказано и даже говорю ли я, поэтому и любознательствую безопасно. О нём же [Василии] много речей как о человеке, который известен и сам по себе, и по Церкви. Всё сказанное им переходит в общую известность. Около него жестокая битва; еретики стараются ловить каждое голое речение из уст самого Василия, чтобы после того, как всё уже вокруг захвачено, и этот муж, единственная почти оставшаяся у нас искра истины и жизненная сила, мог быть изгнан из Церкви, а зло укоренилось в городе и из этой церкви, как бы из какой засады, разливалось по вселенной. Поэтому нам лучше быть бережливыми («домостроительными») на истину, уступив несколько времени, которое омрачило нас, подобно облаку, нежели ясной проповедью привести истину в упадок. Ибо о том, что Дух есть Бог, нет нам вреда знать и из других высказываний, приводящих к тому же заключению; потому что истина заключается не столько в звуке, сколько в мысли». (То же издание, т.2, с.456).

И ещё кое-что хочется сказать напоследок. Если в моей статье обнаружатся обвинения представителей российского народа, именно как людей, а не как носителей определённых идей, то выбросьте её вон, читатель. Я обвинял идеи Ломоносова, Белинского, Достоевского, а не людей Ломоносова, Белинского, Достоевского... Улавливаете разницу? Как люди они, может, менее всех своих современников виноваты в том, что были уловлены идеями (по сути, бесами), существо которых мы сейчас кратко рассмотрели. Да и какой уже смысл кого-либо обвинять? Дело сделано. Идеи, «сообразные не с учением церкви, а с здравым смыслом и справедливостью», восторжествовали по всей России. Теперь русским людям нужно думать, как выбраться из-под этого торжества с наименьшими потерями, и начать уже выбираться.

Но кто-то же должен быть виновен именно из людей, а не из идей? Или одни бесы во всём виноваты? Виноват сам русский народ, вернее, его духовные пастыри и учителя в том, что позволили отнять, а может, и сами легко отдали, растеряли своё духовное разумение, бесценный Божий дар – Христову веру. А российский народ спас русских...

Вы удивляетесь последнему предложению, читатель? Удивляетесь, что, начав статью «за упокой», заканчиваю её «за здравие»? Я и сам удивляюсь этой неожиданной мысли, но чтобы определённо сказать о том, для чего, от чего и как спас российский народ русских, нужно ещё сколько-то лет пожить на этой земле.

Сколько? Десять? Двадцать лет? Сколько Бог даст, столько и проживём. Спешить, как в самой жизни, так и с выводами о ней, не будем. Одно только поспешим сделать – исполнить по мере сил завет Апостола Павла, данный им христианам Коринфа после приговора над блудником: *Братия, время уже коротко, так что имеющие жен должны быть, как не имеющие; и*

плачущие, как не плачущие; и радующиеся, как не радующиеся; и покупающие, как не приобретающие; и пользующиеся миром сим, как не пользующиеся; ибо проходит образ мира сего (1Кор.7:29-31).

Для живущих этой заповедью, коротко ли время, долго ли – разницы нет, потому что *образ мира сего* для таковых уже прошёл.